

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ВОЕННЫХ ЛИДЕРОВ ДНР: ОПЫТ ПСИХОАНАЛИЗА

А. П. Евсеев

Без войны они скучают, праздность утомляет, раздражает их, они не знают, для чего живут, едят друг друга, стараются наговорить друг другу побольше неприятностей, но... Но приходит война, овладевает всеми, захватывает, и общее несчастье связывает всех.

А. П. Чехов

В условиях вооруженного конфликта решающее значение для воюющих сторон приобретает как можно более полная информация о противнике. Одним из методов накопления и творческого преобразования подобной информации является метод психологического моделирования, при котором с помощью разного рода сведений биографического, личного, любого другого характера становится возможным воссоздать образ неприятеля, а если повезет, то и предугадать его действия в дальнейшем. Эталонной в этом отношении считается увидевшая свет в 1943 г. книга американского психоаналитика В. Лангера, который, основываясь на многочисленных интервью, оказавшихся в печати письмах, устных выступлениях А. Гитлера, смоделировал более или менее достоверный психологический портрет последнего, предсказав даже возможность его самоубийства (Лангер 2006: 496).

В украинской войне, как, быть может, никогда ранее, также необходимо использование военно-психологических знаний. Необходимо хотя бы по той простой причине, что сама эта война в большей степени ведется в сознании людей, нежели на полях сражений. Точнее сказать, она ведется на полях сражений только потому, что вначале ей предшествовала массированная психологиче-

ская обработка населения – никаких объективных социальных, экономических, политических предпосылок для нее по большому счету не существовало. В частности, особой популярностью пользовался такой пропагандистский прием, как манипулирование словами-стереотипами: «бандеровцы», «сепаратисты», «киевская хунта» и т. д. Частое повторение этих выражений, нередко сопровождаемое определенным видеорядом, формировало извращенное, однако устойчивое представление в сознании слушателей. В результате сегодня уже достаточно воспроизвести соответствующее выражение, как в сознании возникают некие ассоциации, трансформировавшиеся с течением времени в законченный «образ врага».

Впрочем, стремление пропагандистов не только формировать общественное мнение о происходящих событиях, но и в известной степени организовывать сами эти события уже встречалось в мировой истории. Показательный в этом отношении пример приводит в книге «Отечественная и зарубежная журналистика» подполковник С. Белогуров: в конце XIX века, когда между США и Испанией обострились отношения из-за Кубы, газетный магнат У. Херст послал в Гавану двух корреспондентов для описания «зверств», чинимых испанцами, однако те не обнаружили повода для сенсации, после чего состоялся следующий обмен телеграммами с редактором:

«Нью-Йорк. Херсту. Все спокойно. Нет никаких волнений. Войны не будет. Хотим вернуться. Ремингтон.

Гавана. Ремингтону. Пожалуйста, оставайтесь. Ваше дело обеспечить иллюстрации. Войну обеспечу я. Херст» (Белогуров 2000: 9).

Вскоре после этого взорвался стоявший на рейде в порту Гаваны американский военный корабль, и война была объявлена...

К сожалению, в украинской науке исследований, аналогичных лангеровскому, насколько нам известно, не проводилось. Между тем биографии некоторых военачальников самопровозглашенной Донецкой Народной Республики (ДНР) дают обильную пищу для размышлений. Сказанное прежде всего относится к министру обороны ДНР, полковнику запаса ФСБ России И. Гиркину (Стрелкову) и его заместителю, капитану запаса Ф. Березину. Оба они, в особенности Гиркин, широко используют возможности радио и телевидения, с нескрываемым удовольствием дают интервью, а в попу-

лярной среди молодежи социальной сети «ВКонтакте» есть даже отдельная страница «Сводки от Стрелкова Игоря Ивановича», где дается интерпретация хода боевых действий под соответствующим углом зрения.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что на многих интернет-площадках, правда, преимущественно силами журналистов, не раз предпринимались попытки проникнуть во внутренний мир лидера донецких сепаратистов. Наиболее удачными в этом отношении следует признать статьи «огоньковца» А. Архангельского (2014) и политолога С. Медведева (2014). Касался данной темы и крупнейший российский публицист Д. Быков (2014в). Однако есть еще один существенный момент, красноречиво характеризующий личности Стрелкова и Березина, но по неизвестным причинам пока остающийся «за кадром», – их литературное творчество.

Не секрет, что любитель русской поэзии Серебряного века Гиркин неоднократно выступал на страницах газеты «Завтра» с публицистическими материалами (наиболее известными из которых являются «Боснийский дневник» и статья в соавторстве с А. Бородаем «Кадарская зона»), а в начале 2014 г. увидела свет его 400-страничная книга сказок «Детектив замка Хэльдиборн» (Стрелков 2014). Березин же вовсе является профессиональным писателем-фантастом, опубликовавшим несколько романов в жанре военной утопии (см., например: Березин 2014). Полагаем, что без анализа текстов, вышедших из-под пера этих авторов, психологическая дешифровка их личности была бы неполной, поскольку многое из того, что не находит адекватного выхода в научно выверенном дискурсе, но представляет для данного лица или группы жизненную ценность, нередко получает воплощение именно в художественных текстах.

Сразу оговоримся, что психологами уже проводился беглый анализ сказок Гиркина. В частности, пожелавший остаться неизвестным практикующий врач из Донецка, проанализировав «Детектив замка Хэльдиборн», охарактеризовал его автора как патологического садиста и маньяка (Деро.УА 2014). Однако при всей соблазнительной простоте такой вывод кажется нам несколько упрощающим реальную картину происходящего.

Первое, что отчетливо вырисовывается при знакомстве с гиркинскими текстами, пожалуй, то, что он в большей степени стили-

затор, пусть и не лишенный способностей, нежели оригинальный писатель со своей неповторимой творческой манерой. И вся его поэтика – многословная, высокопарная, воспевающая «Рыцарей нашего благородного Дома» (Стрелков 2014: 17), – во многом основывается на книгах Ф. Купера, Т. Майн Рида, В. Скотта, знакомых ему еще с далекой юности. Это, кстати говоря, не имеет ничего общего с романтикой того же Березина – брутальной романтикой военного городка с «солеными» шутками офицеров. Гиркинская стилистика, напротив, – это романтика больного одинокого ребенка, спасающегося в книжках от пугающей, несовершенной реальности, но все же не настолько талантливого, чтобы стать вровень с их авторами.

Возьмем в качестве иллюстративного материала многократно цитированное стихотворение Гиркина «Не жди приказа...»:

*Не жди приказа!
Не сиди,
Ссылаясь на покой!
Вперед! Сквозь ветры и дожди
И вьюги волчий вой!*
(Цит. по: Поликарпов 2014: 254)

А вот что написано у Р. Киплинга, с творчеством которого Гиркин наверняка знаком:

*Не равняйся по трусам, попав под обстрел,
Даже бровью не выдай, что ты оробел.
Будь верен удаче и счастлив, что цел,
И вперед! – как велит тебе служба...*
(Киплинг 1989: 304)

Несут печать вторичности и конфетного символизма многие другие акции, инициированные лидером «Народного ополчения Донбасса». Скажем, «Кодекс чести Стрелковского братства» едва ли не слово в слово повторяет «Кодекс чести русского офицера» 1904 г. Для сравнения: у «стрелковцев» – «не можешь выполнить – не обещай», в царской армии – «не обещай, если ты не уверен, что исполнишь обещание». В том же ряду находится практика награждения особо отличившихся ополченцев Георгиевскими крестами, в целом разработка наградной системы ДНР в самый разгар боев за

Славянск, расстрел двух командиров на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г. и т. д.

Заметим попутно, что литературный и поведенческий стиль Гиркина характеризуется очевидным эклектизмом, формируясь за счет широких заимствований из различных, порой диаметрально противоположных и даже откровенно враждебных друг другу субкультур. Например, 28 июля 2014 г. он издал приказ о запрете матерной брани в армии Новороссии. Преамбула этого приказа гласит: «Мы называем себя православной армией и гордимся тем, что служим не золотому тельцу, а служим Господу нашему Иисусу Христу и своему народу. На наших хоругвях изображен лик Спасителя. Употребление воинами матерной брани является хулой на Господа и Божью Матерь, которым мы служим и которые нас покрывают в бою». Рискнем предположить, что подобного рода эвфемизмы – дань белогвардейской традиции, в которую играет Гиркин, на протяжении многих лет состоя в военно-историческом клубе «Марковцы»¹.

В то же время по его инициативе создано политическое управление Министерства обороны ДНР, а в ряде подразделений были введены посты замполитов (например, в батальоне «Кальмиус»), что отсылает нас уже к сугубо советской, комиссарской традиции, противостоящей «белогвардейщине», словно две вещи в разных карманах. Гармонично вписываются в логику советской эстетики и «Сводки от Стрелкова», чей автор старательно стилизует их под сообщения Совинформбюро в годы Великой Отечественной войны, о чем, в частности, свидетельствует повсеместное использование в них понятий, терминов и оборотов, заимствованных из лексикона того времени или широко использовавшихся в нем: «фронт», «линия фронта», «гарнизон» и т. д.

Не будем также забывать, что Гиркин увлекается военно-историческими реконструкциями, которые отличаются от общевойсковых учений тем, что воля командира здесь направлена не на создание собственного тактического замысла, а на максимально точное воплощение того плана действий, который был у воинов много лет, а то и столетий тому назад. Как следствие, можно пред-

¹ У монархиста В. Шульгина читаем: «Белых тошнит от рыгательного пьянства, от плеванья и от матерщины...» (Шульгин 1989: 290).

положить, что и в ходе украинской войны Гиркин, являющийся, помимо прочего, выпускником Московского историко-архивного института, будет повторять уже известные тактические ходы (неслучайно в его «Сводках» как-то прозвучал тезис о том, что «укропы окажутся в котле наподобие сталинградского»), а не продуцировать новые. В свою очередь это требует от нас углубленного изучения военной истории, привлечения соответствующих специалистов.

Проблема усугубляется еще и тем, что многие века русской истории «образ врага» был частью национального культурно-исторического контекста. Поэтому, увлекаясь военно-историческими реконструкциями, военной историей в целом, нельзя не заразиться отношением к России как к некоей осажденной крепости. «Однажды построенный, много раз разрушенный врагами и восстановленный, а потом обветшавший и разобранный, он, этот таинственный Замок, тем не менее по-прежнему стоит, вознося в небо свои могучие боевые башни» (Стрелков 2014: 12).

Не нами замечено, что страны, которые на протяжении своей истории часто подвергались вражеским нашествиям, с течением времени неизбежно вырабатывают в себе специфическую ксенофобию, подозрительность, чрезмерную секретность и враждебность по отношению к окружающему миру. В случае с Гиркиным на это обстоятельство накладывается также его личный опыт боевых действий в многочисленных «горячих точках» (Приднестровье, Югославия, две чеченские войны), что в конечном итоге приводит к формированию особой психологии *homo hostilis* («человека враждебного»). Такой человек воспринимает окружающий мир априори как враждебный, полный врагов.

Данный вывод подтверждается отрывком из «Боснийского дневника» самого Гиркина: «У многих, уже понюхавших пороху, потерявших друзей и ожесточившихся, осталось чувство, которое коротко можно выразить фразой: “Недовоевали”. После первой эйфории – живы! – наступало состояние, знакомое большинству профессиональных вояк: желание вновь рисковать, жить полной жизнью. Это так называемый “синдром отравления порохом”» (Спецназ России 1999). Такой человек, становясь заложником «силового мифа», уже немислим в роли благовоспитанного семьянина, при-

лежного налогоплательщика и владельца недвижимости – все его мысли занимает война.

Таким образом, есть качества, необходимые на войне (главным образом авантюризм и готовность рисковать), но губительные в мирной жизни, – и есть люди, которые после «первой крови» никак в себе эти качества победить не могут. По верному выражению Д. Быкова, «армия – их призвание, такое же неумолимое, как писательство у одних или воровство у других» (Быков 2014а: 369). Однако в современной России воевать решительно не за что. По-окуджавски говоря, «все дело в том, что, к сожалению, войны для вас пока что нет». И тогда единственное, что остается такому человеку, – это прибегнуть к старому испытанному методу, реконструкции. Только теперь уже на территории соседней страны и с настоящим оружием...

Вообще главная тема его текстов – отсутствие смысла во всем, кроме военной службы, об этом написаны почти все сказки Гиркина. Даже любовь обманет. Так, в «Сказке Невидимого Замка» простушка Милозлата и аристократка Виоленна долго не могут поделить Молодого Хозяина замка – «темноволосого бледного юношу с тонкими чертами лица и большими светлыми глазами» (уж не Гиркина ли?). Однако когда фортуна начинает улыбаться Милозлате, Виоленна вместо того чтобы травить соперницу мышьяком или обращаться к чудодейственной магии, вдруг приказывает подать себе лошадей и устремляется в карете к старому поклоннику, считавшемуся давно погибшим, однако чудесным образом возрожденному к жизни. В «Сказках Старой Липы» юные волшебницы изобретают Вечно Пустой Кошелек, Шляпу Глупости и Легкомыслия и Амулет Несчастной Любви. На книжных полках стоит Пустая Книга, а там, где раньше стояли книги Сорж Жанд, зияет Свободное Место.

Это очень точная метафора того социального слоя, который представляет Гиркин. Эти люди играют в советское величие, однако уже не имеют той военной мощи и экономического потенциала, который был у СССР. Вместо них – Свободное Место. Создавая в своем воображении целостный образ предмета или мира, они «обрубают», «выпрямляют», дополняют и упрощают в своем воображении действительные связи между вещами. А это не может не вести к созданию в их сознании фантастического представления

о предметах суждения, включая, разумеется, ситуацию на Украине, о которой они, как правило, имеют весьма смутное представление. В итоге интеллектуальные пустоты заполняются «чудовищами разума» – всевозможными мифами о бандеровцах, о необходимости спасать русскоязычное население и т. д. Все это еще больше усугубляет существующие проблемы и разногласия, делает невозможным поиск взаимоприемлемых решений и компромиссных развязок.

Резюмируя, можно прийти к выводу об общей «литературности» поведения Гиркина, его стремлении рассматривать свои поступки как знаковые. Как следствие, это приводит к известному символизму при планировании войсковых операций (многие люди, знающие Гиркина лично, убеждены в том, что город Славянск был избран им в качестве опорного пункта сепаратистов главным образом благодаря своему названию). Рискнем даже предположить, что подчеркнутое внимание к слову, жесту, поведению в целом, которое выглядит в наших глазах чрезмерно театрализованным, для самого Гиркина связано с восприятием себя как исторического персонажа, а своих поступков – как исторически значимых.

Переходя к творчеству Ф. Березина, сразу оговоримся, что чтение его книг – занятие исключительно для военного аналитика либо литературоведа: современного читателя вряд ли заинтересует заурядная шинельная проза. По справедливому мнению литературного критика Д. Быкова, «Березин многословен и не всегда внятен, язык у него почти везде никакой, а часто суконный...» (Быков 2014б: 19). В этой связи, кстати говоря, выглядит весьма сомнительным негласный запрет на продажу книг Березина в нашей стране. Думается, здесь целесообразнее руководствоваться правовой позицией Европейского суда по правам человека, сформулированной им в одном из дел: «При решении вопроса о публикации книг террористов следует учитывать опасность того, что подобная публикация может содействовать оправданию, героизации, романтизации или, напротив, банализации и преуменьшению опасности терроризма» (Федотов 2007: 440). Убеждены, что книги Березина, как, впрочем, и гиркинские произведения, не представляют ни малейшей опасности для наших государственных институтов просто в силу своей литературной немощности. В самом деле, образец березинского стиля, например, таков:

«Пропажа легкого авангарда батальонного воспитателя поначалу не ощущалась. Как ни странно, Шмалько все же умудрился вывести батальон за территорию части и даже миновать поселок Александровск до нарастания утреннего авто-потока. Более того, батальон удосужился добраться до трассы Луганск – Донецк. Здесь, после пятикилометрового с мелочью броска, командир батальона наконец-то тормознул колонну. То было нарушением всех канонов уходящей в советское прошлое привычки. Не торможение, конечно, а как раз столь длинный первичный бросок без остановки. В счастливой беззаботности давних времен, где за отставание не грозило ничего, кроме трехэтажного слово-построения с использованием не наличествующих в словаре силлогизмов, любая воинская колонна тормозила около каждого столба, ибо равнялась она на самых медлительных и на вечную трясучку командиров перед призраком ЧП, который, в отличие от коммунизма, бродил не только по Европе, но и по азиатским просторам бывшего СССР. Шмалько одним махом уничтожил эту древнюю традицию, ибо боялся, что его прыг навсегод увянет и рассосется в этом ритуале» (Березин 2014: 34).

Все это не стоило бы нашего внимания, если бы не одно обстоятельство. Как указывалось выше, книги Березина написаны в жанре военной фантастики. Очевидно, использование фантастической фабулы позволяет ему легче установить контакт с огромной читательской аудиторией, любящей фантастику (хотя до войны, насколько можно судить, книги Березина не пользовались повышенным спросом). Так, в произведении «Красные звезды над Майданом» повествуется о войне будущего, которая будет вестись... на территории Донецкой области (правда, в роли агрессора по замыслу автора выступает эрдогановская Турция). Березин описывает бои в районе донецкого аэропорта, общежитий Донецкого национального университета, рассекающую по донецким улицам бронетехнику, словом, все то, что спустя некоторое время реально произошло в жизни несчастных дончан и луганчан (Там же: 315). Возникает вопрос: каким образом весьма посредственному автору удалось предугадать нынешнее развитие событий? Какова вообще взаимосвязь будущего и литературной утопии?

В специальной литературе указывается, что, используя категорию будущего, мы автоматически вторгаемся в область антиципаций², под которой следует понимать предвосхищение контуров будущего (в том числе будущих войн) посредством литературы и искусства, отражение грядущего в массовом сознании и повседневности. Тем самым военная антиципация (березинская – не исключение!) является инструментом прогнозирования и одновременно его результатом (подробнее см.: Токарев 2006). Действительно, реальный ход исторических событий последних лет засвидетельствовал возможность трансляции утопии в политику. Когда утопическая идея, оформленная к тому же в целостный и притом вульгаризированный текст, «забрасывается» в народ, она, превращаясь в поведенческую установку, получает шанс стать руководством к действию многих людей, в особенности если этому благоприятствует социально-политический контекст.

Украинская война, хотя в это и трудно поверить, по преимуществу война литературная, развязанная писателями, разумеется, без учета читательских интересов. Она давно была предсказана, подробно описана, распланирована, а впоследствии осуществлена именно писателями: Игорем Гиркиным и Федором Березиным. Но дело даже не в этом, а в том, что, как закончил свою книгу Березин: «Дмитрий Гаврилович оказался прав – работа была грязнее некуда».

Библиография

- Архангельский А. А. 2014. День стрелка. *Colta* 14 июля. URL: <http://www.colta.ru/articles/media/3886>.
- Белогуров С. Б. 2000. *Отечественная и зарубежная журналистика*: уч. пособ. М.: Воен. ун-т МО РФ.
- Березин Ф. Д. 2014. *Украинский выбор. Красные звезды над Майданом*. М.: Эксмо, Яуза.
- Быков Д. Л. 2014а. *Блуд труда*: эссе. М.: Изд-во К. Тублина.
- Быков Д. Л. 2014б. Война писателей. *Новая газета* 9 июля.
- Быков Д. Л. 2014в. Председательство Игоря Стрелкова и гнилость российской пропаганды. *Собеседник* 26. 10 июля. URL: <http://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20140710-dmitriy-bykov-predatelstvo-igorya-strelkova-i-gnilost-rossiy>.
- Киплинг Р. 1989. *Рассказы. Стихотворения*. Л.: Худ. лит-ра.

² От лат. *anticipatio* – предвосхищение событий или заранее составленное представление о чем-либо.

- Кодекс чести «Стрелковского братства».** URL: http://pikabu.ru/story/kodeks_chesti_quotstrelkovskogo_bratstvaquot_2467958.
- Лангер В. 2006.** *Мышление Адольфа Гитлера*. Киев: Румб.
- Медведев С. А. 2014.** Боевое фэнтези: как историческая реконструкция стала жанром российской политики. *Forbes* 7 июля. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/261961-boevoe-fentezi-kak-istoricheskaya-rekonstruktsiya-stala-zhanrom-ross>.
- Поликарпов М. 2014.** *Игорь Стрелков – ужас бандеровской хунты*. М.: Книжный мир.
- Спецназ России. 1999.** 2-й Добровольческий отряд в Боснии, 1992–1993 годы. *Спецназ России* 4(32). URL: <https://web.archive.org/web/20020201051638/http://www.alphagroup.ru:8100/specnaz/gazeta/04.1999/6.htm>.
- Стрелков И. И. 2014.** *Детектив замка Хэльдиборн*. М.: Переход.
- Токарев В. 2006.** Советская военная утопия кануна Второй мировой. *Европа. Журн. Польск. ин-та междунар. дел* 5(1).
- Федотов М. А. 2007.** Правовые проблемы информирования общественности о терактах и контртеррористических операциях. *Терроризм. Правовые аспекты противодействия*. М.: Эксмо.
- Шульгин В. В. 1989.** *Дни. 1920: Записки*. М.: Современник.
- Деро.УА. 2014.** Психолог о Гиркине: «Жестокий человек с наклонностями к педофилии». *Деро.УА.* 14 июля. URL: <http://www.depo.ua/rus/life/psiholog-o-girkine-zhestokiy-chelovek-s-naklonnostyami-k-14072014162200>.